

Иван Мятлев

**Сенсации и замечания
госпожи Курдюковой за
границей**

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

Иван Мятлев
И17 Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей: Книга 1 / Иван Мятлев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 420 с.

ISBN 978-5-458-24174-8

В своём сочинении Мятлев создал комический, не лишённый сатиры и гротеска образ тамбовской помещицы, которая решила рассказать о своём заграничном путешествии по Европе, описать «свои сенсации», впечатления от европейского Запада. Курдюкова - и объект сатиры, и литературная маска. Она - олицетворение не только провинциальной русской действительности, но и мира европейских обывателей. Наглая самоуверенность Курдюковой, её претензии на окончательность и непререкаемость в суждениях как нельзя лучше выразились в языке и стихе. Куплетные формы с их лёгкими ритмами создавали впечатление необыкновенной бойкости и даже развязности, свойственной Курдюковой, а её речь, составленная коварным автором из разноязычных слов и оборотов, разоблачала сомнительную образованность недалёкой барыни, которой не помогали никакие иностранные слова для выражения сбивчивых мыслей. Введение французской речи в русскую, неподготовленный переход с одного языка на другой, их нелепое смешение создают замечательный комический эффект. "Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей", книга 1 (Германия, Швейцария), репринтное издание 1907 года, А. С. Суворина, с рисунками В. Ф. Тимма.

ISBN 978-5-458-24174-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и, конечно, произносить ихъ сообразно русскому написанію. Несвойственные звуки производятъ смѣхъ.

Книга имѣла огромный, сенсационный успѣхъ, для насъ, потомковъ, даже не совсѣмъ понятный. „Сенсаціи“ покупали, читали, выучивали наизусть по цѣлымъ главамъ, декламировали въ гостиныхъ. Критика отнеслась крайне сочувственно къ „Сенсаціямъ“. Въ „Современникѣ“, „Москвитянинѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“ книга была превознесена, какъ выдающееся литературное явленіе, и только Бѣлинскій въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отозвался очень сдержанно. „Ихъ можно слушать — писалъ Бѣлинскій — съ удовольствіемъ, когда кто-нибудь ловко декламируетъ ихъ или просто читаетъ живымъ голосомъ, какъ это дѣлаетъ иногда самъ почтенный авторъ „Сенсацій“. Имя автора не осталось въ секретѣ отъ литературныхъ круговъ: это былъ Иванъ Петровичъ Мятлевъ, очень богатый и сановный баринъ, камергеръ двора, свой человекъ въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ.

До сихъ поръ литературные таланты Мятлева были извѣстны лишь въ томъ великосвѣтскомъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался. Правда, въ тридцатыхъ годахъ онъ выпустилъ тоненькій сборникъ своихъ стихотвореній, но книжка была от-

тиснута въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и за предѣлы тѣснаго кружка великосвѣтскихъ друзей Мятлева не пошла. „Сенсаціи“ ввели его въ литературу и сразу сдѣлали его извѣстнымъ литераторомъ. Съ 1840 года стихи Мятлева появляются въ „Современникѣ“, „Маякѣ“, „Библиотекѣ для Чтенія“ и другихъ журналахъ. Наконецъ, онъ попалъ даже въ извѣстный сборникъ Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ“. Но стихи Мятлева ничего не прибавили къ его славѣ: за небольшими исключеніями, они ниже посредственности. Слава Мятлева держалась только на „Сенсаціяхъ“, и появленіе второго тома „Сенсацій“ въ 1843 году, опять въ прекрасномъ изданіи съ рисунками Тимма, подогрѣло ее. Печать и общество восторгались по прежнему произведеніемъ Мятлева, и только Бѣлинскому такой огромный успѣхъ показался незаслуженнымъ: онъ собирался посвятить Мятлеву особую статью, но смерть поэта въ 1844 году помѣшала планамъ критика. Третій томъ „Сенсацій“ увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1857 году, когда были переизданы и первыя двѣ части. Въ 1857 же году появилось полное собраніе сочиненій Мятлева, въ которомъ „Сенсаціи“ были даны въ полномъ объемѣ. Но на этотъ разъ сочиненія Мятлева прошли незамѣченными: другое время

пришло, и не до „Сенсацій“ было. Шли годы, и поэзія Мятлева отходила все дальше и дальше въ область забвенія; наконецъ, въ сознаніи нашихъ современниковъ представленіе о Мятлевѣ и его произведеніяхъ перестало быть опредѣленной величиной. Въ пятидесятилѣтнюю годовищину со дня смерти Мятлева, въ 1894 году, появилось два юбилейныхъ дешевыхъ изданія; въ предисловіи къ одному изъ нихъ мы читаемъ слѣдующія строки: „Мятлевъ забытъ такъ основательно и прочно, точно его никогда и не было. Говорятъ: что хорошо забыто, то ново. Поэтому Мятлевъ является передъ читателемъ конца вѣка совершенно новымъ, свѣжимъ и оригинальнымъ предметомъ вниманія и изученія“. Но и эти изданія не пробудили интереса къ музѣ Мятлева... Вотъ судьба блистательной славы Мятлева... И все же „Сенсаціи“ принадлежатъ къ тѣмъ книгамъ, которыя не могутъ быть забыты, которыя всегда будутъ знать настоящіе любители литературы...

Появленіе въ печати, успѣхъ, журнальный шумъ, неожиданный для самого Мятлева,—лишь случайный эпизодъ въ его жизни, а вся его литературная дѣятельность — такой же эпизодъ въ жизни русской литературы. Эта дѣятельность совершилась въ сторонѣ отъ тѣхъ путей, по которымъ

шло развитіе нашей литературы. Въ этомъ особенномъ положеніи Мятлева нужно искать причины забвенія его музы. А между тѣмъ поэзія Мятлева далеко не заслуживаетъ подобнаго пренебрежительнаго отношенія, хотя бы уже потому, что налицо — знаменательный фактъ рѣшительнаго и огромнаго успѣха, требующій объясненія. При оцѣнкѣ произведеній Мятлева мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ его мелкія произведенія. Это — или болѣе и менѣе длинныя пародіи совершенно въ стилѣ юмористической части „Сенсацій“, написанныя на томъ же французско-русскомъ языкѣ, или лирическіе романсы на обычныхъ лирическихъ темы, напоминающіе отошедшія времена сентиментализма. Но и въ мелкихъ стихотвореніяхъ Мятлева найдемъ нѣсколько незабытыхъ и даже, наоборотъ, хорошо извѣстныхъ пьесъ. „Фонарики-сударики“ и т. д. давно уже перешли въ уста народа и съ значительными искаженіями поются въ низшихъ слояхъ городского населенія. Необыкновенно популярная „Настоечка тройная“ тоже принадлежитъ Мятлеву. Наконецъ, И. С. Тургеневъ обессмертилъ первый стихъ одного мятлевскаго стихотворенія — „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. Всѣ особенности творчества Мятлева сконцентрированы въ „Сенсаціяхъ“. Съ нихъ началась его литературная карьера и ими же кончилась.

Для вѣрнаго пониманія „Сенсацій“ необходимо познакомиться съ личностью автора и выяснить процессъ возникновенія его книги. Къ сожалѣнію, наши біографическія свѣдѣнія о Мятлевѣ крайне скудны. Единственный біографическій очеркъ мы находимъ въ книгѣ Н. Гербея („Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ Спб. 1880, стр. 335—336). Мы узнаемъ изъ него, что Иванъ Петровичъ Мятлевъ „родился въ 1796 году въ Петербургѣ. По рожденію, богатству и сановному родству онъ принадлежалъ къ высшему петербургскому свѣту. Образование, полученное имъ дома, было вполне свѣтское. Любовь къ поэзіи развилась въ немъ очень рано. Еще будучи ребенкомъ, онъ любилъ подыскивать рѣшмы, и позднѣе любовь эта превратилась въ неодолимую страсть къ писанію стиховъ. Со вступленіемъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, онъ отказался отъ сочиненія стиховъ въ серьезномъ родѣ и обратился къ легкой сатирѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, по самому свойству своего ума и характера, былъ болѣе склоненъ къ веселому взгляду на жизнь, чѣмъ къ мрачнымъ воззрѣніямъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ, такъ любившихъ метать громы краснорѣчія въ своихъ добродушныхъ согражданъ“. Всю свою жизнь Мятлевъ вращался въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, при дворѣ; онъ сжился

съ интересами этого тѣснаго круга, и врядъ ли ему были близки какіе-либо другіе интересы. Въ этихъ же сферахъ завязались и его литературныя связи. Мятлевъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ въ домѣ Карамзиныхъ; онъ былъ поклонникомъ извѣстной фрейлины А. О. Россетъ-Смирновой, вокругъ которой собиралось столько писателей; дружилъ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, позднѣе съ Лермонтовымъ. Въ свѣтскихъ салонахъ встрѣчался онъ съ литераторами. При дворѣ Мятлевъ занималъ оффиціальныя должности; мы ничего не знаемъ о его служебной дѣятельности, но Мятлевъ игралъ въ придворныхъ кругахъ еще одну роль, яркую характеристику которой мы найдемъ и въ „Воспоминаніяхъ М. А. Паткуль“ („Историческій Вѣстникъ“ 1902, кн. II), и въ „Запискахъ“ Смирновой. Мятлевъ и при дворѣ, и въ высшемъ свѣтѣ былъ признаннымъ „остроумцемъ“.

Веселый и живой человѣкъ, Мятлевъ былъ „душой“ придворныхъ салоновъ: онъ сыпалъ каламбурами, шутками, проказами и стихами. Его проказы и остроуты вызывали смѣхъ на самыхъ суровыхъ лицахъ; надъ его остроумными отвѣтами смѣялся самъ Николай Павловичъ. М. А. Паткуль яркими штрихами рисуетъ намъ образъ Мятлева, проказника и шутника, которому сходили съ рукъ иногда

очень рискованныя мистификаціи и шутки. Его остроты расходились по петербургскимъ гостинымъ и были модными новинками. Смирнова сохранила намъ нѣсколько остроумныхъ и находчивыхъ отвѣтовъ Мятлева. Мятлевъ былъ истиннымъ, природнымъ комикомъ. Замѣчательно раздвоеніе въ его психикѣ. Онъ не былъ тѣмъ юмористомъ, веселымъ и безпечнымъ, для котораго смѣхъ — вторая природа. Мятлевъ, человѣкъ, обладавшій неистребимой жаждой веселья, былъ вообще грустенъ и меланхоличенъ. Онъ говорилъ смѣшныя вещи съ невозмутимо-серьезнымъ видомъ и устраивалъ мистификаціи, которыя вызывали слезы у присутствовавшихъ. Смирнова рассказываетъ, какъ Мятлевъ заставилъ плакать всю ея прислугу, нѣмецкую и русскую, сказавъ проповѣдь на своемъ жаргонѣ... Баратынскій очень удивился, познакомившись съ Мятлевымъ: онъ встрѣтилъ серьезнаго и солиднаго человѣка зрѣлыхъ лѣтъ. Какой грустью звучитъ признаніе, сдѣланное имъ Смирновой: „Я часто имѣю счастье васъ смѣшить, такъ какъ я— клоунъ русской поэзіи!“ II какъ странно соотнобѣтствовалъ всей жизни Мятлева ея заключительный аккордъ: онъ умеръ въ самый разгаръ масленичныхъ удовольствій, среди веселыхъ шутокъ и проказъ.

Когда Мятлевъ хотѣлъ смѣшнить, рѣшмы всегда приходили къ нему на помощь. Не затрудняясь ихъ подборомъ, Мятлевъ всегда могъ говорить складно и въ рѣшму, сочинять стихи на какія угодно темы. Въ собраніи его сочиненій сохранились эти импровизированные стихи на случай, которые, собственно, не должны бы числиться въ памятникахъ нашей письменности. Изъ устныхъ шуточныхъ импровизацій и выросли „Сенсаціи“; если авторъ не „говорилъ“ ихъ, а написалъ, такъ это объясняется размѣрами пародіи. Одинъ изъ критиковъ-современниковъ Мятлева оставилъ слѣдующее свидѣтельство о немъ: „Мятлевъ не былъ поэтомъ: онъ не сочинялъ стиховъ, — онъ импровизовалъ ихъ, смѣялся стихами, шутилъ рѣшмой, не заботясь вовсе объ изысканной отдѣлкѣ и презирая напыщенное краснорѣчіе стихотворцевъ. Мятлевъ избралъ было даже особенный родъ чтенія этихъ стиховъ, удивительно пріятный, почти неподражаемый; онъ не читалъ ихъ, не декламировалъ, не надувался; онъ просто говорилъ свои стихи, и всегда говорилъ наизусть, беззаботно рассказывалъ въ стихахъ, бесѣдовалъ стихами; вамъ казалось, будто вы слышите мадамъ Курдюкову въ натурѣ, будто вы сами разговариваете съ нею, находитесь въ русскомъ обществѣ, увлекаетесь

его страннымъ говоромъ. Онъ говорилъ этими стихами по цѣлымъ часамъ, и вы никогда не утомлялись ими: въ такой степени представляли они вѣрный и, слѣдовательно, весьма искусный сколокъ тона, пріемовъ, способовъ выражаться и понятій нашего образованнаго общества, нашего „свѣта“. Когда Мятлевъ кончалъ, вамъ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ“. Самъ Мятлевъ тѣсно связывалъ происхожденіе своихъ „Сенсацій“ съ бесѣдами въ гостиныхъ; извѣстно, что онъ очень увлекался Смирновой. Въ ея присутствіи его остроуміе проявлялось еще живѣе и ярче. Въ одномъ изъ своихъ шутивыхъ писемъ къ Смирновой Мятлевъ писалъ: „О, вы, мой ревъ, *parce que je rêve sans cesse de vous*, моя фантастическая дама. О, вы, истинная, настоящая мать Курдюковой, ибо вы ее родили: я о васъ думалъ все время, писалъ ея нашептыванья. О, вы, которой одной она посвящена и принадлежитъ“. Эту связь поэзіи съ живымъ словомъ, съ дикціей необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ пародіи: нѣкоторыя техническія несовершенства, какъ, напр., длинноты или рѣзкости стиля, объясняются привычкою Мятлева импровизировать свои стихи. Положеніе импровизатора Мятлева въ нашей литературѣ напоминаетъ намъ другого на-

•

шего остроумца—И. Ѳ. Горбунова. Правда, Мятлевъ писалъ больше, чѣмъ Горбуновъ. Но какъ Горбуновъ выработалъ постоянную форму для разсказовъ и пустилъ въ обращеніе генерала Дитятина, такъ для Мятлева Курдюкова была такимъ же постояннымъ типомъ: онъ любилъ ставить се въ различныя житейскія положенія, и недаромъ „Сенсаціи“ растянулись на цѣлыхъ три тома.

И, несмотря на исключительную, экзотическую обстановку, въ которой были созданы „Сенсаціи“, имъ нельзя отказать въ народности. Необходимо признать, что автору близки и родственны прѣмы народнаго творчества: онъ шутилъ въ простонародномъ духѣ, иногда черезчуръ рѣзко и грубо, быть можетъ, даже непривычно для нашего слуха. Бѣлинскій крайне удивился, прочитавъ написанный Мятлевымъ „Разговоръ барина съ Аюнькой“: его поразилъ въ этой пьесѣ особенный юморъ, который такъ свойственъ людямъ низшаго сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ. Бѣлинскій не могъ объяснить присутствія народности въ поэзіи Мятлева и рѣшилъ даже, что разговоръ не сочиненъ, а списанъ Мятлевымъ со словъ какого-нибудь Аюньки. Въ самомъ дѣлѣ, народность совершенно не вяжется въ нашемъ представленіи съ приведенными выше біографическими данными.